

Четырнадцатилет ний истребитель

Алексей Яковлевич Очкин

SHOUT
SHARE **IT**

- Очкин Алексей Яковлевич

Очкин Алексей Яковлевич

Четырнадцатилетний истребитель

АЛЕКСЕЙ ОЧКИН

ЧЕТЫРНАДЦАТИЛЕТНИЙ ИСТРЕБИТЕЛЬ

Об авторе публикуемых глав из документальной повести "Четырнадцатилетний истребитель" А. Я. Очкине "Искатель" уже рассказывал в очерке В. Степанова "Имена неизвестных, героев" (№ 1 за 1964 год). Алексей Очкин во время битвы на Волге в самые тяжелые дни обороны с горсткой бойцов десять дней отбивал атаки фашистских танков у Тракторного завода.

Вместе с ним сражался четырнадцатилетний Ваня Федоров, совершивший героический подвиг и отдавший свою жизнь для спасения бойцов.

О последних днях жизни юного героя, имя которого носят сейчас многие пионерские отряды нашей страны, рассказывает в своей повести А. Очкин.

1

В жаркий июль 1942 года по пепельной от полыни донской степи двигался воинский эшелон с истребителями танков, разведчиками и саперами еще малоизвестной в то время соловубовской дивизии. Паровоз с трудом тащил красные солдатские теплушки, платформы с пушками и машинами и удивительный среди этого разнокалиберного состава зеленый спальный вагон - в нем ехал комдив Сологуб со своим штабом. Впереди показался разъезд. Паровоз дал протяжный гудок, но семафор по ту сторону разъезда оставался закрытым, и поезд стал замедлять ход. Перекатисто звякнули буфера...

Не дожидаясь остановки, лейтенант Дымов выпрыгнул из теплушки и пробежал несколько шагов по хрустящему шлаку. Лейтенант огляделся. Разъезд был глухой - два пути, будка, а вокруг - ровная, пепельно-однообразная степь.

Дымов смахнул крошки шлака с начищенных до блеска сапог, поправил портупею, сделал строгое лицо и зашагал вдоль эшелона. Но как ни старался он выглядеть бывалым военным, все обнаруживало в нем только что испеченного командира: и самодельная портупея через плечо, и медные "кубари" на петлицах, и главное - не скроешь семнадцати лет, когда на месте усов лишь белесый пушок, а над краем сдвинутой пилотки упорно торпочится русая прядь.

Лейтенант пошел вдоль состава принимать рапорт от часовых и наблюдателей "за воздух" (так назывались дежурные бойцы у

зенитных пулеметов), обошел десятка два платформ и вагонов истребителей танков: в следующих вагонах ехали саперы и разведчики. Там ему делать было нечего, он был дежурным только по своей части. Потом повернул обратно. Из эшелона уже выскочили солдаты. Они курили группками у вагонов, бегали наперегонки или состязались - кто дальше пройдет по рельсе? Дымов тоже не удержался от искушения и, балансируя руками, пошел по рельсе. Ему удалось дойти почти до вагона, в котором располагался его взвод, но тут он увидел такое, что потерял равновесие...

Верхом на буфере сидел мальчишка лет тринадцати. Его развеселило, что лейтенант не удержался на рельсе, и от удовольствия он задрогал ногами в больших солдатских ботинках, замахал длинными рукавами шинели. Дымова это возмутило - едет "зайцем" под самым носом у него, да еще посмеивается.

- А ну, пацан, марш! - скомандовал он.

- Сам ты пацан!.. - огрызнулся мальчишка.

За спиной лейтенанта раздалось рассыпчатое: "Ха-ха-ха!"

- Кому говорю? Марш отсюда!

"Заяц" невозмутимо продолжал сидеть верхом на буфере - волосы на его голове топорщились, как иглы у ежа, глаза на скуластом лице смотрели колюче и угрожающе. Такого лучше не тронь! Но лейтенант уже не мог остановиться... Он ухватил мальчишку за полу шинели. Тот подался назад и, сделав вид, что хочет вырваться... брыкнул каблуком лейтенанта в лоб. Дымов словил негодника за ногу, стащил с буфера, но тут же получил подножку...

Наконец лейтенант ухватил "зайца", прижал к земле. В это время подошел встречный поезд. Эшелон тронулся. Так их вдвоем и втащили.

Дымов, потер на лбу шишку, приказал сержанту Кухте накормить пацана. "Еще приказывает! - подумал мальчишка и презрительно сплюнул. - Тоже мне командир!"

- Заправься кашей, повеселей будет, - протянул сержант котелок мальчишке, но тот даже не обернулся.

- Как звать-то?

Сколько ни подступались бойцы к парню, он ни в какую: котелок не берет, имени своего не говорит и сидит, словно никого нет рядом. Нелюдимыш. В глазах - такое, что прямо тоска пробирает...

Самый старший из солдат, горбоносый и костлявый усач Черношейкин, когда разгибался в полный рост, то чуть не упирался в крышу вагона. Сейчас он сидел складным ножом на

нижних нарах. Черношейкин сделал всем знак: "Не троньте мальчишку!" - пробрался к двери и, примостившись рядом с мальцом, спустил длинные ноги наружу, свернул сигарку и протянул ему кисет:

- Куришь?

Тот отрицательно мотнул головой. Ободренный таким началом, усач, попыхивая сигаркой, отметил:

- Ну и молодец! А я вот сызмальства баловался, так отец меня вожжами протаскивал.

- То-то, гляжу, что жердь вытянулся, - не поворачивая к нему головы, заметил мальчишка.

Солдаты прыснули со смеху. А Черношейкин, довольный, что вызвал мальчишку на разговор, повернулся к нему:

- Да-а... Отцы, они у всех строгие. У тебя батька небось тоже строгий?

- Нет батьки, - бросил мальчишка и отвернулся.

Бойцы притихли. Им и нравился острый на язык мальчишка и возмущал своей дерзостью. Сержант Кухта рассердился:

- На войну едешь, а от солдатской каши нос воротишь! Бери котелок. Командир давно забыл про обиду.

Мальчишка преобразился. Его лицо со шрамом на правой скуле, злое и от этого некрасивое, словно подменили, оно стало по-детски озорным и необыкновенно привлекательным. Шрам теперь несколько его не уродовал, а, напротив, придавал юному лицу мужество. Мальчишка посмотрел со смущенной улыбкой на сержанта Кухту, на лейтенанта Дымова, будто вся его жизнь зависела от них, и серьезно спросил:

- Возьмете меня... на войну?

Сержант, тронутый таким искренним порывом мальчишки, даже растерялся.

- Это как командир... - и посмотрел на Дымова. - Может, и вправду возьмем его, товарищ лейтенант? Хоть на кухню?..

Дымов знал, что это невозможно, потому что командир части "железный" капитан Богданович не допустит малейшего самоуправства, но бойцы и мальчишка смотрели на него с такою надеждою, будто он сам может решить, и, чтобы не показать свою беспомощность и убедить их, что не держит больше зла на своего "противника", лейтенант согласно кивнул. И тут уже окончательно просветлело лицо мальчишки. Вырвал он у сержанта котелок и так принялся за кашу, что всем стало ясно: не меньше трех дней "постился". Не успел мальчишка справиться с котелком каши, как глаза его стали слипаться.

Оставив котелок, он забрался на нары и тут же уснул.

К полудню железная крыша накалилась, и в вагоне стало

нестерпимо душно. Бойцы раздвинули двери. На первой же станции они собрались наполнить водою фляги, но только поезд остановился, раздался знакомый солдатам голос:

- Ну где тут "заяц"?

Бойцы соскочили с нар, вытянулись. По стремянке взобрался в вагон капитан Богданович, а за ним - комиссар Филин. Богданович - худой, высокий, смуглый, строгий на вид. Комиссар Филин тоже старался выглядеть строгим, но глубоко запавшие глаза, прикрытые лохматыми бровями, если присмотреться, были смешливыми и вызывали улыбку. Бойцы не переставали удивляться глазам комиссара, примечавшим все, и объясняли полусхему его исключительное свойство фамилией. Филин - птица, которая и ночью видит. И теперь комиссар сразу заметил за спинами солдат "зайца" на нарах...

- Вот он, товарищ капитан! - И, шагнув мимо расступившихся солдат, стал будить мальчишку: - Э-э... приехали, подъем...

Мальчишка за время путешествия на колесах, видно, привык к частой побудке. Он проворно вскочил с нар и, протирая глаза, изучал воинские знаки различия командиров.

- Куда, малец, путь держишь? - строго спросил Богданович.

"Заяц" по всей форме доложил:

- На фронт, товарищ капитан.

- Ну-ка, фронтовик, слазь...

- Глянь-ка, чего он выдумал?! - искренне удивился мальчишка и посмотрел на бойцов с лейтенантом: мол, втолкуйте ему, что я еду с вами. Но те, однако, почему-то промолчали.

- Вот что... - посоветовал капитан, - залезай на обратный и дуй до дому...

- Обратно не поеду, - с вызовом ответил мальчишка и направился к двери.

- Сдать коменданту станции, - приказал Богданович лейтенанту.

- Товарищ капитан, - обратился лейтенант, не выдержав укоризненного взгляда мальчишки, - может, разрешите...

- Не разрешаю! - гаркнул Богданович. - Это вам война или детский сад?!

Пацан, улучив момент, выскочил из вагона...

- Дымов, изловить "зайца"! - приказал капитан.

Лейтенант бросился за беглецом, но поезд тронулся...

На следующей остановке в погруженной на платформу машине Дымов нашел "зайца" и, окружив его с солдатами, "изловил" и сдал военному коменданту. Но только поезд набрал скорость, крыша вагона, в котором ехал взвод Дымова, прогремела жестью. А на стоянке дежурные зенитчики доложили

лейтенанту:

- "Заяц" сидит на вашей крыше.

- Снять, - приказал юный лейтенант. По жестяным крышам загрохотали тяжелые сапоги солдат. Но мальчишка был неуловим: бежит, бежит и вдруг круто поворачивает в обратную сторону, прыгает козлом с вагона на вагон. Паровоз дал сигнал к отправлению, и погоню пришлось прекратить.

Как только эшелон остановился, Дымов с бойцами бросился на розыски и скоро доложил капитану, что "заяц" исчез.

- Не может такой сдаться без сопротивления! Ищите! - приказал Богданович.

Но "заяц" исчез. Капитан не мог поверить этому и пришел во взвод лейтенанта Дымова:

- Ну, признавайтесь, сховали?

Капитана тревожило, что мальчишка мог сорваться с крыши на ходу поезда. Бойцы и лейтенант были расстроены не меньше. Они даже имя у мальчишки не выпытали.

Стемнело. Воинский эшелон сейчас летел без остановки.

Все чаще попадались по пути отметины войны - черные остовы разбитых станций, скелеты сгоревших вагонов, степь, исклеванная, словно оспой, воронками бомб. И мысли у семнадцатилетнего лейтенанта были те же, что у его бойцов, которым было по двадцать или около... Скоро они будут жечь не фанерные, а настоящие фашистские танки. Прощай, учеба, марши, тревоги! Колеса отбивают: "На фронт, на фронт..." На сердце и радостно и как-то тревожно.

2

- На разгрузку пушек и машин даю полчаса, - бросил капитан.

Дымов прыгнул с вагона. Бойцы открыли борта платформ и прилаживали помост. Шоферы раскручивали железные тросы, крепившие машины. Торопились. Уже доносился рокот немецких самолетов, летевших на большой высоте.

Богданович подошел ко взводу на исходе тридцатой минуты, когда бойцы и лейтенант скатывали с платформы последнюю пушку.

- Рассредоточивайте технику!

В открытой степи от бомбежки гибель. Машины, нагруженные снарядами, с пушками на прицепах быстро разъезжались по овражкам. Капитан собрал командиров, чтобы поставить им задачу. И тут машинист паровоза поднял темную фигурку с черным, как у негритенка, лицом, на котором сверкали одни белки глаз.

- Ты?! - обрадовавшись, ахнул капитан. "Заяц", наделавший столько переполоха, был жив и невредим. - Небось на тендере

ехал? В уголь зарылся?

- Ага, - звонко чихнул мальчишка.

- Как тебя зовут? - впервые улыбнулся капитан.

- Иван я, Федоров - фамилия. Апчхи!..

- Находчивый ты, Федоров.

- А как же... Возьмете теперь? - спросил Ваня; он не спускал глаз с Богдановича, и столько надежды и веры отражалось в них, что сердце железного капитана дрогнуло. Он разжал зубы и, сердясь на себя за минутную слабость, выдавил:

- Накормить и отправить назад!

- Эй, Удовико, принимай пополнение! - крикнул Дымов и, толкнув мальчишку к оврагу, побежал на сбор командиров.

На дне оврага стояла полуторка, доверху наполненная ящиками с консервными банками и мешками; на прицепе дымилась кухня. Сухонький, уже немолодой шофер Овчинников подкладывал в топку ломкие прутья краснотала, да так и застыл от удивления...

Из кабины вывалился круглый, невысокого роста, с заспанным лицом сам повар Удовико.

- Чего еще? - протирая глаза, спросил он.

- Гляди, какого африканца нам прислали...

Удовико посмотрел на фигурку с черным лицом. Ваня тоже рассматривал их сверху оврага и рассуждал: "От капитана удрал, а от этих старикашек подавно сбегу..." Запах булькающей в котле каши с бараниной щекотал в носу, у Вани от голода даже бурчало в животе.

- Ну что уставились? Меня капитан прислал.

- Чего ж тебе дать? - растерялся Удовико. - Каша не готова.

- Все равно, - ответил Ваня, усаживаясь в сторонке на откосе оврага, лишь бы живот набить.

- Сейчас набьем, товарищ африканец! - с улыбкой сказал Овчинников и набросился на Удовико: - Корми человека. Видишь, с голоду доходит.

Удовико нашел открытую банку консервов, перерезал пополам хлеб.

Среди истребителей танков уже разнеслось, что на кухне тот самый "заяц", за которым "охотились" в пути.

Первыми появились сержант Кухта и Черношейкин, потом еще набежали.

- Ну, парень... Не в лоб, так обходным маневром взял, - похвалил Черношейкин Ваню, который вычищал банку коркой хлеба.

Ваня кивнул головой, потом вскочил, подбросил банку и ловко отфутболил. Сержант Кухта хотел прикрикнуть за порчу

ботинок, но Черношейкин остановил его и обратился к Федорову:

- Слушай, боец! Надо малость подумать о своем виде...

Ваня поморщился:

- Да чего там... Капитан все равно отправит назад.

- Не отправит, если сразу не прогнал.

- Взаправду говоришь?

Черношейкин обернулся к сержанту Кухте, и тот уверенно подтвердил, что на войне "всякое бывает".

Из груды принесенных старшиной гимнастеров, брюк, белья Ване стали подбирать обмундировку. Кое-что подшили, поубавили. Оказались и ботинки подходящего размера. Черношейкин подстриг парня и позвал повара. Тот ахнул - настолько изумило преображение "африканца".

Капитан в этот день обошел разбросанные по овражкам подразделения, заглянул в котелки солдат, а потом появился на кухне. Еще издали заметил Удовико долговязую фигуру Богдановича. Он снял капитанский котелок с огня и доложил:

- Товарищ капитан, весь личный состав накормлен.

- А почему сегодня без чая?

- Кипяток ушел на обмывку моего помощника.

- Какого еще помощника?

- Да что вы прислали ко мне...

Богданович пожелал взглянуть на этого "помощника".

Ваню еле растолкали. Поставили на ноги, осмотрели и повели к капитану. Опрятный вид мальчишки понравился Богдановичу. Но капитан не таков, чтоб выставлять напоказ свои чувства. Спросил сурово:

- Накормлен?

- Так точно, - подтвердил Удовико.

- Начпроду передать: помощника повара Федорова включить в строевую на полное довольствие.

- Есть передать.

Так началась фронтовая жизнь Вани Федорова. А было ему в ту пору четырнадцать лет...

3

Сухая степь в жаркой дреме безлюдна. Но вдруг ожила... Из овражков, балочек вынырнули машины с противотанковыми пушками, на ходу заняли боевой порядок. За каждой машиной облачко пыли, свернули на большак в сплошной рыжей завесе...

Проснулся Ваня от раската грома. С адским воем небо обрушивалось на землю. В густых облаках пыли вспыхивал огонь, и после оглушительного разрыва что-то со свистом летело над головой, впивалось в борт машины, звонко отлетало рикошетом от железной кухни. Комья земли ударяли по плащ-палатке,

которой он укрылся. Машина ехала уже не по дороге, а бешено неслась напропалую по степи, так подбрасывая на кочках, что ящики, мешки и Ваня взлетали в воздух. Позади на прицепе прыгала и металась из стороны в сторону кухня. Тут только Ваня пробудился и сообразил, что они попали под бомбежку.

- Эй, кухня!.. Поворачивай вправо и стой! - крикнул кто-то, невидимый в пыли.

Этот же человек сгреб Ваню и выбросил из кузова; они вместе упали на землю. Отплевываясь, Ваня посмотрел на лежащего рядом с ним лейтенанта Дымова, тот прилепнул его:

- Лежи!

Рядом грохнуло. Их обдало жаркою волной - остро пахнуло раскаленным металлом и горелой землей. Когда Ваня оторвал щеку от колючей травы, лейтенанта рядом не было - он бежал в сторону горячей машины.

"Ишь, самому можно бегать, а другим нельзя!.." - Федоров вскочил и устремился за лейтенантом.

Машина горела, и огонь уже подбирался к бензобаку. Дымов стал сбивать шинелью пламя. Бойцы бросились разгружать из кузова боеприпасы. Ваня тоже схватил нагретый ящик со снарядами. Подняв, он согнулся от тяжести и, не разгибаясь, засеменял. В горячке никто не замечал мальчишку, и он таскал со всеми снарядами; потом, тяжело дыша, присел с бойцами и тогда только понял, какой опасности подвергался. В любую секунду снаряды могли взорваться и разнести его в клочья.

А лейтенант, как только заметил Ваню, сразу набросился на него:

- Тебе где приказано быть? Живо отсюда!

Ваня сжал челюсти так, что заскрипел песок на зубах, и, отойдя, бросился в горькую полынь.

Разбомбив хуторок, штурмовики разлетелись. А цикады так же неумолчно трещали, и солнце по-прежнему палило.

Рядом с Ваней остановилась машина с кухней.

- Зашибло, кажись, парня, - услышал он голос шофера Овчинникова и не спеша поднялся, залез в кузов на мешки.

Шофер потрогал испещренный осколками кузов и зло захлопнул дверцу. "Ишь, разукрасили, гады!" Машина тронулась.

Поравнялись с догорающим хуторком... Торчали одни черные трубы и тлели развалины, среди них обгоревшие трупы. Обугленные деревья с голыми, черными ветками походили на воздетые пятерней обгорелые пальцы...

Точно такой запомнилась Ване его родная деревенька после фашистского налета. Он метался среди страшных, пышущих жаром развалин, обрызганных кровью черепков... Искал, кричал,

звал мать. А она, может, не могла откликнуться...

Ваню тогда подобрали, босоногого, военные из отступающей части; они одарили его той самой обмундировкой, которая после долгих странствий парнишки сегодня была сожжена. А глаза его запечатлели навсегда исковерканную родную деревеньку и стали не по-детски взрослыми...

...К вечеру повеяло прохладой, показался в зеленой кайме Дон. Через реку огромной дугой взметнулся железнодорожный мост. Но как ни мечтали бойцы окунуться, капитан даже напиться не дал - свернули в рощу. Здесь и привал.

Тут же пришел срочный приказ комдива Сологуба - все машины отправить к прибывающим эшелонам. Ваня с шофером и Удовико разгрузили продукты. Овчинников на прощанье попросил Федорова помочь повару:

- Ты уж постарайся, Вань.

У Вани закон: если кто попросит по-настоящему, в стельку разобьется, а сделает.

- Ведро давай! - потребовал он у повара и принялся заливать котлы, черпая воду из речушки, впадающей в Дон. Не успел Удовико опустить закладку в котел, Ваня нарубил целый ворох сучьев и расшуровал топку. Довольный прытью помощника, Удовико раздобился:

- Передохни малость, сынок.

Федорову не по нраву гражданское обращение. "Раз уж прислан к военному повару, пусть командует. А не может, сам буду!"

- Некогда передыхать, - возразил он Удовико, - приказано обед сготовить к семнадцати ноль-ноль...

- От капитана приходили, пока я крупу мыл на речке?.. - озабоченно спросил Удовико.

- Ага, - подтвердил Ваня. Ему очень нравилось, как по-военному звучало: "семнадцать ноль-ноль".

Когда на кухню заглянул комиссар Филин и спросил, не прислать ли кого в помощь, Удовико расплылся в широкой улыбке.

- У меня, товарищ комиссар, помощник трех стоит, - и, взглянув на Ваню, доложил: - В семнадцать ноль-ноль будет обед.

- Дело, - похвалил Филин, - у тебя боевой помощник. Ты знаешь, как он сегодня геройски боеприпасы спасал?

Ушел Филин, оставил Ваню в раздумье... Оказывается, комиссар знал, как он, рискуя жизнью, таскал снаряды.

Мальчишки - удивительный народ. Они то безумно озорны, то вдруг серьезно задумчивы. Обхватив коленки руками, Ваня словно прислушивался к тихому шелесту дубравы, к отдаленному

грохоту боя, который доносился все явственнее. А Удовико было невдомек смотреть на бойкого и дерзкого парнишку, неожиданно пригорюнившегося. Не знал Удовико, почему Ваня такой, почему у него ожесточилось сердце. И комиссар Филин не знал того, как его бесхитростная похвала взволновала парнишку, напомнила погибшего в первые дни войны отца, не прощавшего ему шалостей и замечавшего всё доброе...

4

Без роздыху перебрасывали машины со станции грузы, а к исходу вторых суток подошли главные силы дивизии. В роще стало многолюдно, под каждым деревом и кустом бойцы свалились после тяжелого марша и спали богатырским сном. Предельно умаявшись, Овчинников тоже похрапывал под машиной. Ваня помогал повару выскребать котел. Явился связной от комиссара Филина:

- Всем срочно идти на митинг!

Со всей рощи уже тянулись бойцы на круглую, как большой пятак, поляну, вокруг которой по опушке строились полки в четыре ряда, скрытые от фашистских стервятников разлапистыми дубами. Среди тысяч бойцов самый юный боец в дивизии, Иван Федоров, стоял локоть к локтю с приземистым сержантом Кухтой, еле доставая пилоткой до плеча Черношейкина.

Посреди поляны кряжистый дуб в три обхвата. Под его зеленой густой кроной Сологуб, начподив, комиссар Филин, самый старый коммунист дивизии бронебойщик Пивоваров.

Комдив Сологуб дал команду:

- На вынос знамени... дивизия... смирна-а!..

Замерли бойцы. Только слышна далекая оружейная пальба. Вместе со всеми, выпятив грудь колесом, Федоров косил глазом то влево, то вправо. Раньше ему приходилось стоять под пионерским знаменем, приходилось видеть, как шли со знаменами на демонстрации. А вот боевое Красное знамя дивизии не довелось еще увидеть ни разу.

В кольце построенных частей оставлен проход. Там и показалось над головами бойцов алое полотнище с ослепительно горящей в лучах солнца звездой на конце древка. Первым вышел старший лейтенант с шашкой наголо, за ним знаменосец, и чуть позади два автоматчика. Легкими волнами полощется красный шелк, на нем силуэт Ленина и надпись золотом: "За нашу советскую Родину".

Бойцы не спускали глаз с развевающегося знамени и четкого, стремительного профиля человека, черты лица которого Ваня знал с тех пор, как помнил себя. А сейчас ему показалось, будто сам Ленин пришел к ним.

Начальник политотдела открыл митинг.

- Слово к молодым имеет Иван Афанасьевич Пивоваров.

Стал у знамени бронбойщик Пивоваров.

- В девятнадцатом мы били здесь беляков. А теперь... слышите!? оборвал он свою речь.

Ваня прислушался вместе со всеми. Из-за Дона, все сильнее разрастаясь, гроыхало сражение...

- Завтра, а то и сегодня ночью схлестнемся с фашистом. Думаю, сыны, вы не посрамите своих отцов!

Пивоваров опустил на колено, взял бережно обеими руками алый шелк знамени и поднес к губам...

- От молодых кто даст ответ отцам? - спросил начподив.

Каждый хотел сказать, но первое мгновение подумал: "Имею ли я право от имени всех говорить?" Потом взметнулся лес рук, и Ваня тоже поднял руку, будто в школе отвечать урок. Комиссар Филин сказал что-то начподиву и тот объявил:

- Слово имеет командир взвода и комсорг истребителей танков лейтенант Дымов.

Лейтенант робко вышел из строя. По-юношески угловатый, он смущался устремленных на него глаз, стал под знаменем, собрался с мыслями и неожиданно смело заговорил:

- Мы, конечно, по книжкам да рассказам знаем о революции и гражданской войне. Только мечтали быть такими, как наши отцы. Теперь наше время пришло. Докажем, ребята?

- Докаже-ем! - не помня себя, крикнул Ваня со всеми.

Скрывая волнение, вышел комдив Сологуб. В серых его глазах добрый свет и ясный разум...

Сологуб говорил, что такой жестокой войны не было за всю историю народов, что фашисты собрали всю технику Европы. Надо высечь в сердце великий гнев к лютому врагу и великую любовь к матери Отчизне.

- Или мы их победим, или они зроблят нас своими рабами. Допустим это? - закончил комдив.

- Не-ет!.. - отозвалось эхом.

- Тогда клянемся, хлопцы, шо будемо битися до последнего удара сердца!

- Клянемся-я! - воедино отозвалось много тысяч голосов.

Ваня почувствовал, как на этой солнечной поляне к нему вернулось прежнее: всё светлое, будто он снова очутился в родной семье и своей школе. Его судьба слилась с судьбами тысяч молодых бойцов, и его личное горе потонуло перед общей огромной бедой.

сержант Кухта, поглядывая на танки, сворачивал самокрутку и на ветру рассыпал табак. Черношейкин достал из кармана сложенную гармошкой газету, ловко оторвал листок, не глядя сыпанул на закрутку табаку, туго скрутил и поднес сержанту, чтобы тот смочил краешек губами. Но губы сержанта пересохли, он несколько раз приклепнул, пока склеил папироску, потом благодарственно кивнул Черношейкину и стал выбивать кресалом огонь. Искры высекались, а шнур никак не загорался. Ветер доносил урчанье танков. Наводчик крутнул головой в сторону лейтенанта, тот озабоченно оглядел бойцов, указал сержанту на отдельные кустики впереди. Ваня уже знал, что эти кустики ориентиры. Потом Дымов предостерегающе махнул рукой командиру соседнего взвода истребителей. "Поближе хочет подпустить", - догадался Ваня.

Среди гула моторов уже различался лязг гусениц. Пришлепывая, они молотили землю, с треском подминали сухие кустики краснотала и все, что попадало им на пути. Ваня рассмотрел на стальных коробках черные кресты, обведенные желтым, дула пулеметов по обе стороны от смотровых щелей водителя. Хоботы пушек поворачивались вместе с башней, выискивая цель. Ваню пригибало вниз неодолимое желание спрятаться за каменную стену, но, поборов себя, он глядел через разбитые стекла оконного проема на приближающуюся смерть.

Танки не дошли с полкилометра до огневых истребителей и, повернув, ринулись к переправе через Дон. Ваня облегченно вздохнул: теперь не раздавят... Но тут же услышал, как громко и задорно лейтенант выкрикнул: "Взво-о-д!.. По бортам фашистских танков... броневойм... Огонь!"

Звонче "сорокопятак" не бьет ни одна пушка. В ушах Вани даже зазвенело. Из оконного переплета вылетели остатки стекол. Передний танк дрогнул и неуклюже завертелся на месте. "Ага, фашист, ногу перебило!" обрадовался Ваня. От второго снаряда танк с перебитой гусеницей окутался дымом. Разом взорвалась башня у другого. От меткого попадания горел уже третий!..

Ваня от восторга запрыгал у окна. Ему хотелось броситься и обнять всех. Но радость была преждевременной... В сарае со страшной силой рвануло! Рвануло до боли в ушах. После этого выстрелы "сорокопятак" ему слышались, как легкие щелчки. А в нескольких метрах от него в каменной стене зияла большая дыра.

Танки повернули от переправы и с ходу открыли огонь по истребителям. "Шестьдесят танков против шести маленьких "сорокопятак". Фашистов больше в десять раз..." - не успел подумать Ваня, как с воем и грохотом что-то обрушилось. Он инстинктивно распластался на полу... Сверху падали обломки

кирпичей, больно ударили по ногам, спине, рукам, которыми он прикрывал голову. Ваня оглох от грохота, тело одеревенело от множества ударов, и он уже не чувствовал навалившейся тяжести.

Мальчишка считал, что все кончено. Но от раскаленного металла и горелой земли остро защекотало в ноздрях и горле. И тогда он вспомнил, что он Иван Федоров и что он изо всех сил рвался на фронт, а теперь рядом идет бой, а он, как трус, спрятался за каменной стеной. Он решил тут же оторваться от пола. Первая попытка не удалась. Все тело пронзила острая боль, будто его избили палками. Превозмогая ее, он все же попробовал подняться. А над ним целая гора... Острые кирпичи врезались в тело. Наконец ему удалось встать на четвереньки. Спиной он уперся в железную балку, которая, падая, удержалась на подоконнике, - это его и спасло.

С трудом Ваня выбрался из-под наваленных на балку досок от рухнувшего потолка. Кругом продолжало греметь, но он плохо слышал. Только видел огневые разрывы, столбы бурой земли, а вверху сквозь красную кирпичную пыль - пикирующих "юнкеров". Они разбомбили сарай и теперь обстреливали из пулеметов.

Ване казалось, что он долго пролежал под бомбежкой, укрытый балкой, а прошло всего несколько минут, как прилетели "юнкеры". Он выглянул из-за разбитой каменной стены... Пылала степь, горело с десятков подбитых танков. Полсотни бронированных громад рассредоточились и обхватили полукольцом истребителей.

Сбивая пыльцу с кирпичей, пули чиркали по краю стены, за которой сидел Ваня, но, как ни страшно было, он заставил себя смотреть на бой... Из ближнего орудия почему-то палил сам лейтенант, а наводчик Берест лежал навзничь у станины, заслонив рукой глаза от солнца. Заряжающим у пушки был сержант Кухта, а два бойца рядом с Берестой уткнулись в землю. Тут только и сообразил, что два бойца и Берест убиты. Береста, его тезки, Вани Береста, который вчера так весело распевал, нет в живых. Это было так невероятно, что он затрясся от гнева: "Ну, поганые фашисты, мне бы только добраться до пушки!.."

Подносчик сунул Кухте в руки снаряд и бросился к ящику боеприпасов, укрытому в яме. Он стал брать снаряд и завалился. По гимнастерке на боку расплылось кровавое пятно...

Ваня сжал зубы, перемахнул через стену, схватил снаряд, что лежал на руке убитого, и побежал к пушке. Выстрелом Дымов заклинил башню у ближайшего танка, и тот, разворачиваясь на гусенице, наводил ствол. Самое лучшее бить по такому танку, а пушка у лейтенанта не заряжена. Лейтенант повернулся к сержанту: "Снаряды!.."

Подбежавшему Ване подумалось, что лейтенант захочет прогнать его, но лейтенант вырвал снаряд и закричал:

- Ну же!.. Быстрее!

Ваня бросился к боеприпасам... Он и Кухта еле успевали подносить снаряды. Лейтенант сам заряжал и вел огонь. Ваня помнил, как дал первый снаряд лейтенанту, а потом все смешалось. В грохоте пушек, разрывах мин, треске пулеметов. Перед глазами стояло красное облако от разбитого кирпича, отчаянное лицо лейтенанта и его окровавленная рука. А стальные громады, уничтожая все на пути, неумолимо надвигались со страшным урчанием и выворачивали душу леденящим лязгом гусениц. Вот-вот со скрежетом раздавят железные орудия, а потом захрустят его, Ванины, кости. Но он таскал и таскал снаряды и был готов таскать, пока не остановится сердце...

Он не знал, что убит командир батареи и его заменил комиссар Филин, не знал, что их давно бы раздавили танки, если бы капитан Богданович не прислал бронебойщиков - свой последний резерв, самый дорогой резерв со старым коммунистом Пивоваровым.

Солнце уже было в зените, самое палящее. И в полдень бой достиг самой ожесточенности. Потом вдруг лейтенант махнул Ване рукой: "Стой!" А он все продолжал таскать снаряды, пока сержант Кухта не крикнул ему в самое ухо:

- Выдохлись фашисты!

Сержант тут же, у ящика с боеприпасами, опустился, свернул мгновенно сигарку, с одного удара кресала зажег фитиль, прикурил, жадно затянулся и только после этого стер с лица крупные капли пота. "А перед боем и прикурить не мог!" - приходя в себя, отметил Ваня и удивленно огляделся... Он не заметил, как улетели "юнкеры", как откатилась стальная лавина танков, оставив чернеть в степи двадцать мертвых громад.

...На этот раз фашистские автоматчики наступали впереди танков и, потеряв много убитыми, ворвались в траншеи пехотинцев, а затем стали окружать истребителей. Дымов крикнул:

- У пушек остаются по двое, остальные - за мной!.. - и бросился с бойцами на автоматчиков.

Наводчика Ваниного орудия ранило в лицо, его хотел было заменить Черношейкин, но тут разорвалась мина, и осколок впился усачу в руку. Ваня оттолкнул Черношейкина от панорамы:

- Таскай снаряды!

И усач безропотно стал одной рукой подносить снаряды...

Ване трудно было сделать первый выстрел... Волнуясь, он вертел ручку поворотного механизма и никак не мог совместить

перекрытие панорамы с танком - тот быстро двигался и подсказывал на неровностях. Так и нажал он спуск напрапалую. Орудие дернулось, в ушах зазвенело... Во второй раз Ваня поймал танк в перекрестке, но тоже промахнулся.

"Да я ж не даю упреждения, - догадался он, - а фашист на месте не стоит..." Он дал упреждение и неожиданно для себя увидел сноп искр на борту танка.

- Черношейки-ин!.. Поп-а-али-и!.. - издал он радостный крик и выпустил еще снаряд по танку... Не веря своим глазам, увидел, как тот завертелся на месте. - Я ему гусеницу перебил! Ура-а!.. А сейчас, фашист, совсем уничтожу тебя. - Ваня целился в башню, где располагаются снаряды. Но выстрела не получилось.

- Черношейкин! Снаряд!.. - Ваня оглянулся...

Ползком и перебежками их позицию обходили гитлеровцы. Увлеченный стрельбою, он этого не заметил. Однорукий Черношейкин отстреливался в ровике из автомата. Ваня бросился к нему.

Черношейкин стрелял, пока в диске не кончились патроны, потом взял автомат за ствол и посмотрел на мальчишку: "Не робей, Ванюша!" Тот оглянулся... Лейтенант с комиссаром отбросили врага и вели бой за траншеями. Если бы они вернулись, может, успели бы спасти его с Черношейкиным!

Увидев, что у пушки остались только двое, автоматчики решили взять их живьем, а потом ударить в спину отряду. Чтобы не привлекать к себе внимания, они не стреляли и, не выпуская из рук автоматов, ползли, перебирая локтями. Ваня встретился взглядом с немигающими, какими-то остекленевшими глазами здорового гитлеровца.

Немцы уже стали подниматься в рост, как вдруг позади них раздался треск автоматов... Это было так неожиданно, что Ваня с Черношейкиным опешили. Что за чудо?! Фашисты бросились наутек. А из-за бугра, где была кухня истребителей, выбежали бойцы, строча из автоматов. У одного было зажато под рукой что-то, напоминающее ковш на палке.

Ваня бросился к пушке...

- Черношейкин!.. Давай осколочные снаряды!.. - навел орудие в сторону удирающих немцев и стал палить...

Впереди догорало несколько танков... У одного из них в ровике засыпало раненого бойца, медсестра откопала его и, перевязав, потащила на плащ-палатке...

- Маленькая, а удаленькая!.. - заметил сержант Кухта, подходя с бойцами к огневой позиции. На огневую уже вернулись комиссар с лейтенантом и расспрашивали Ваню и Черношейкина...

- Значит, если бы не повар, вам каюк? - сказал Филин.

- Точно, он и спас, - подтвердил Черношейкин, - он, товарищ комиссар, применил секретное оружие

- Что за оружие?

- В одной руке автомат, а в другой - черпак.

Разорвалась мина...

- Не толпиться! В укрытие! - приказал комиссар, а Ваня опустился на колени у щита и принялся выскребать "палочку", обозначавшую лично уничтоженный им танк.

Разорвалась вторая мина...

- Гляди-ка! - показал сержант Кухта в сторону взметнувшихся фонтанов земли. - Он в "вилку" берет, а Анечка снова побежала...

Аня притащила раненого к траншеям и теперь бежала опять к горящему танку. По ней и вели огонь немецкие минометчики.

- Аня! - хором закричали бойцы.

Но Аня подбежала к горящему танку, схватила бронебойку, повернула обратно, и тут разорвалась мина... Когда облако рассеялось, все увидели Аню на земле...

Лейтенант уже мчался к ней. Ване так и не удалось выскрести палочку на щите, он бросился помогать Дымову. Когда принесли девушку, она уже умирала. Мина перебила ей ноги. Аня лежала на плащ-палатке без стопа. Только от боли кусала губы и смотрела на лейтенанта, как провинившаяся школьница на учителя. Потом из последних сил выдохнула:

- Не пишите маме...

Она посмотрела еще раз на лейтенанта, и ее глаза застыли на синем небе. Ваня только тут рассмотрел, что глаза у нее тоже синие-синие, как и небо сегодня. И вся она была очень хорошенькая, с черными гладкими волосами, подобранными строго на затылке. Прикрытая по грудь лейтенантской шинелью, она лежала смирною девчонкою, только ветер шевелил у белоснежного виска иссиня-черную непокорную прядку волос, а от ее страданий осталась лишь густая капля крови на нижней аккуратной губе, которую она прокусила...

Хоронить Аню пошли от каждого орудия по бойцу, и Ваня тоже с ними. Могилу отрыли у откоса. Комиссар достал из нагрудного кармашка девушки комсомольский билет, развернул, пробежал глазами и переложил себе в карман рядом с партбилетом, потом сказал:

- Прости, Аня, что не выполним твою просьбу. Мы все-таки напишем твоей матери правду, и пусть она знает, какая у нее дочь...

Ваня держал за руку лейтенанта, а тот до боли сжал ему пальцы.

У красного глинистого холмика застыли бойцы, комиссар скомандовал:

- В честь героической комсомолки из Рязани - огонь!

Три короткие автоматные очереди прокатились эхом. На огневые позиции возвращались молча. Навстречу с бугра быстро спускался боец из соседнего батальона... - Товарищ комиссар!.. - запыхавшись, доложил он Филину. Комбат велел передать... Приказ получили... На новые позиции.

6

Утро 14 октября 1942 года еще не наступило, ночь еще боролась с рассветом... Но уже ощущалось дыхание нового дня - предутренний рассвет растворял ночь, темные, густые краски уступали светлым, прозрачным. Вначале смутно виднелся лишь далекий правый берег, а над ним бушующее на десятки километров море огня. Потом из серой мглы стали выступать очертания обрыва и песчаной косы; с крутого берега из разбитых баков, будто расплавленный металл, устремилась к реке красными языками пылающая нефть, долго плясала на воде. Левый низкий берег еще был скрыт в тумане. В отсветах пожаров, словно дымящаяся кровь, курилась широкая Волга...

Повар Удовико, как и сотни других поваров, с полуночи штурмовал солдат перевоза, требуя лодку, чтобы переправить термосы с борщом и кашей на ту сторону. Кроме того, он должен был переправить Ваню на левый берег - всех подростков по приказу командарма Чуйкова собирали в тылу армии для отправки в суворовские и ремесленные училища. Но сейчас в первую очередь перевозили боеприпасы на Тракторный.

В тот предрассветный час никто на площади Дзержинского не предполагал, что скоро, очень скоро они окажутся на направлении главного удара. Не знали, что уже сотни вражеских самолетов с тысячами бомб поднялись в воздух, сотни бронегромзд выдвинулись на исходные позиции, а наши радиостанции поймали голос Гитлера - он в последний раз категорически заявил миру, что возьмет Сталинград. Всего этого не знали ни комиссар Филин, ни сержант Кухта - они крепко спали. У Черношейкина длинные ноги не уместились в ровике, и он растянулся прямо на земле с Дымовым, который всю ночь ходил с проверяющими по переднему краю и лишь недавно завалился на боковую. А Ваня заснул в обгоревших кустиках в ожидании повара Удовико - во сне сбылась мечта мальчишки... Он шагал с лейтенантом на Тракторный завод. Не мертвый и разбитый, как сейчас, а живой, поющий на все голоса заливистыми свистками маневровых паровозиков, с ритмичным уханьем молотов, веселым шумом металлорежущих станков.

Но не сбыться Ваниной мечте. И повару Удовико, только под утро штурмом овладевшему лодкой, тоже никогда не добраться на правый берег. И те, которые отплыли с Удовико, уже не вернутся...

"Воз-ду-ух!.." - еле успели крикнуть дежурные и втащить в укрытия тех, кто спал на земле. Рокот моторов перешел в вой сирен. Бомбы посыпались на площадь.

Ваня проснулся будто под огромным колоколом, по которому бьют разом тысячи молотов. Гул разрывов больно отдавался в ушах, вот-вот лопнут барабанные перепонки; от едкого дыма и горелой земли сперло дыхание. Не было сил терпеть этот раздражающий гул, бойцы зажимали уши. Кто-то из новеньких, сидевших в ровике позади Вани, вцепился ему в воротник и совсем сдавил горло. Оторвать руку бойца было невозможно, Ване пришлось развернуться и двинуть его локтем, только после этого тот разжал пальцы.

Район Тракторного кромсали тысячи бомб, сплошной град металла. Такого еще не было за всю великую битву.

Сколько продолжалась бомбежка? Потеряли счет времени. Ваня разжал уши, когда земля стала оседать. Снова раздался рокот моторов, но уже не сверху... Он понял, что это танки. Тут же услышал команду: "К бою!" - и выскочил из ровика...

Кроме командира орудия и наводчика, в расчете левого орудия были все новенькие. Выкатывая из укрытия пушку и готовясь к бою, они отчаянно бегали в полный рост, будто и не было обстрела. "Ишь, какие смелые", - усмехнулся Ваня.

Угрожающий рокот и лязг нарастал. Ване казалось, что от нестерпимого грохота голову сдавливают обручем. Из Ополченской улицы выползла бронированная колонна. Изрыгая огонь, танки палили из пушек, бесперебойно строчили пулеметы. Бронегромзд было не меньше трех десятков. Слева, по проспекту Ленина, и справа, по Дзержинской улице, Ваня тоже увидел колонны танков. Сколько же их? Сотня или больше?! Пятнистые, зелено-желтые танки с черными крестами ломали на своем пути обгоревшие деревца и столбы, крошили и подминали под себя развалины.

"Беглый... Огонь!" - раздалась команда. Волнуясь, боец из новеньких торопился, не дослал снаряд и не смог зарядить пушку. Ваня оттолкнул его и ловко захлопнул замок.

Наводчик выстрелил и, запрокинув голову, схватился рукою за щит и сполз на землю. Ему перебило ноги. К панораме бросился командир орудия, но разорвался снаряд из танка... Командир орудия упал и уже не поднялся. У необстрелянных солдат из пополнения отразился испуг в глазах, они растерянно

пригнулись у пушки. И с Ваней такое было в первом бою...

- В ровик! - крикнул он бойцам, чтобы сохранить их до времени (так всегда поступал лейтенант). - А вы, двое, давайте снаряды!

Замковый и подносчик терялись поначалу. От каждой мины припадали к земле. Но мальчишка бесперебойно вел огонь, и им ничего не оставалось, как помогать ему, а в бою, когда занят делом, страх проходит.

Ваня только успевал наводить орудие по танкам, которые ринулись со всех улиц на площадь. Что делалось у других орудий? Как там лейтенант, комиссар, Черношейкин и другие?.. Ваня не мог видеть - все закрыло вздыбленной землей. По выстрелам "сорокопятак" он слышал, что они ведут бой. Спроси его, сколько продолжалась первая атака, он бы не ответил. В горячем бою теряешь чувство времени - минута иногда покажется часом и наоборот.

Танки не смогли прорваться на площадь и отползли к развалинам. Восемь из них остались гореть. Один танк поджег Ваня. Еще не успели танки расползтись в развалины, как опять налетели самолеты. Бомбили жестоко, долго, на этот раз только площадь Дзержинского. Потом снова атака... Ваня по слуху определил, что крайнее правое орудие уже не стреляет. Что с лейтенантом и другими, он до сих пор не знал.

Лейтенант с комиссаром вели огонь из ружей ПТР, потому что в самом начале боя погибли два бронебойщика. Дымов понял, что бой будет, какого они еще не видывали и с тревогой подумал: успел ли уехать Ваня на ту сторону? Ему жаль было, что они по-настоящему так и не простились. Несколько раз лейтенант оглядывался на левое орудие, там ли Ваня? Но через бурю стену сухой земли ничего не видно...

После второй бомбежки он собрался бежать к левому орудью, а пришлось броситься к правому, потому что бомба угодила в него. Откопали они с комиссаром наводчика и снова к бронебойкам - танки ринулись в третью атаку.

Теперь фашисты выдвинули пулеметы и автоматчиков. Снопы пуль с грохотом отбойного молотка ударяли по щиту орудий. Только Ваня успел нырнуть вниз, как вдребезги разнесло панораму и убило подносчика снарядов.

- Беги сюда! - крикнул Ваня одному из бойцов в ровике и стал наводить орудие по стволу.

Танки все ближе... А "охотники" с бутылками горючей смеси молчат, словно вымерли в круглых "колодцах". "Живы ли они? - с тревогой думал Ваня. - Если погибли, и нам жить недолго..." Он не знал, что лейтенант запретил "охотникам" вступать в бой, пока

танки не минуют "колодцы", чтобы наверняка швырять бутылки в моторную часть. Вот уже десяток из них проскочили "колодцы". С ревом устремились на площадь... Сейчас раздавят!.. Но тут им в хвост полетели бутылки с горючкой. Синим огнем запылала жидкость на броне. Загорелись моторы, взорвались башни со снарядами. Танки остановились. Отползают. А истребители бьют их кинжальным огнем орудий. Будто ожерелье из огня, пылают полукругом у площади четырнадцать танков. Но радость недолгая... В небе опять "юнкеры".

Горели развалины, асфальт, земля. Казалось, все живое уничтожено на площади. Но когда снова ринулись танки, а за ними роты автоматчиков, истребители в бушующем огне продолжали сражаться. Раненые комиссар и лейтенант с группой бойцов палили из бронебоек, автоматов, швыряли гранаты. А их обходили. Вот-вот замкнется кольцо...

Ветром отнесло черный дым, развеяло бурую завесу земляной пыли. Только тогда лейтенант увидел оружие, из которого вел огонь Ваня. Значит, не успел он на ту сторону!

Ваня тоже увидел своего лейтенанта, оторвался на миг от пушки, махнул рукой: "Будь спокоен за меня!" А фашистские автоматчики все ближе. Слева в обход площади пошли танки. Ваня рванул станину, повернул ствол орудия. Дал два выстрела... Кончились снаряды. А фашисты уже близко от него. Прыгнул в ровик, схватил автомат убитого...

Строчит Ваня из автомата по фашистам... Посмотрит: жив ли его лейтенант? Дымов жив. И ему легче...

Лейтенант тоже время от времени оглядывается на Ваню... И будто силы прибавится. "Продержись, братишка, еще маленько, - повторяет он про себя, отгоним, приду к тебе на выручку..."

Все гуще рвутся снаряды...

Вдруг Дымов увидел, как Ваня уронил автомат, - осколок раздробил ему левую руку в локте. А гитлеровцы лезут. Кровь хлестала из перебитой руки, а Ваня швырял гранаты. И сами фашисты, рассматривая в упор русского мальчишку, робели перед ним.

Вторым снарядом у юного бойца оторвало кисть правой руки...

Когда облако дыма рассеялось, Дымов вновь увидел Ваню. Он лежал, привалившись к окопу. "Убили мальчишку", - подумал лейтенант.

Ваня лежал неподвижно. Затем пошевелился, оторвал голову от земли... Часть танков, обойдя площадь слева, устремилась по узкому проходу вдоль развалин заводской стены. Сейчас они прорвутся, ударят с тыла и уничтожат его, а потом лейтенанта,

комиссара и всех, кто еще продолжал сражаться...

Не столько от боли, сколько от бессилия выступили слезы... Перед самым ровиком лежали противотанковые гранаты, а как их бросишь, если нет рук? И такая злость обуяла его... "Я ведь клятву вчера дал, вступая в ряды молодых ленинцев, - сражаться с этими гадами до последнего... Нет, фашист, пока я жив, буду драться! Я уничтожу тебя!.." Ваня сжал зубами ручку противотанковой гранаты. Так сжал, что даже хрустнули зубы. Превозмогая адскую боль, он помог удержать ее обручками рук.

Лейтенант и бойцы увидели, как над пылающей, исковерканной землей поднялся мальчишка без рук, с гранатой в зубах и смело пошел навстречу стальным чудовищам. Дымов знал, что почти невозможно прорваться через кольцо фашистов, окруживших его с комиссаром, но бросился на выручку... И тут же комиссар схватил его:

- Стой! Справа, гляди, прорвались, сволочи!..

Справа, к проходным завода, устремились танки. Их нельзя допустить на Тракторный, за ним - Волга. Лейтенант стал вести огонь из орудия, думая об одном: "Успею подбить эти танки, может, и спасу Ванюшу..."

А Ваня шел навстречу бронегромадам. Своим отчаянным порывом он зажег всех бойцов, и они делали то, что казалось невозможным: сражались небольшой группкой против десятков танков.

"Откуда у тебя, наш дорогой сынишка, столько силы и бесстрашия?! думали они. - Родился ты в простой семье колхозника, учился в простой советской школе, воевал всего несколько месяцев с нами, простыми солдатами. Может, ты родился в той сторонushке, где одни богатыри появляются на свет?.. Может, мать заговорила тебя в бессмертие сказкой-приказкою?.. А может быть, ты сильный, потому что в твоих жилах течет кровь деда, который повидал многое на свете - и войн и страданий, штурмовал Зимний и отстаивал в боях с врагами молодую республику рабочих и крестьян..."

А Ване, как и им всем, было страшно умирать, потому что умирать всегда страшно - и в первом бою и в последнем. Но ему в ту последнюю секунду жизни вспомнилось все, что было связано дорогого с теми людьми, ради которых он шел на смерть... Вспомнилась яркая поляна в дубовой роще, где он давал клятву у знамени, вспомнил, как приняли смерть комдив и капитан на берегу бушующего Дона, как погибла Аня, спасая других. И теперь ему пришел черед выполнить свой долг, чтобы танки не уничтожили, не смяли лейтенанта с бойцами и они продолжали сражаться после его, Вани, гибели...

Прижав обрубками рук к груди гранату, он зубами рванул чеку и бросился под стальную грохочущую громаду... Раздался взрыв! Фашистский танк застыл, а за ним в узком проходе - вся бронированная колонна.

И казалось, на мгновенье притихли канонада и гул жесточайшего сражения, будто фашисты отказались штурмовать волжскую твердыню... А потом снова, с еще большей силой разгорелась великая битва, потому что в тот день, как никогда, решалась судьба нашей Родины и многих народов мира...

А мальчишка шагнул в бессмертие. Ему в ту пору было четырнадцать лет...